

Зорька-Богатырь.

Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ-былъ царь съ царицей. Всѣмъ бы хорошо было ихъ житье, да одна бѣда: дѣтей у нихъ не было. Наконецъ вспомнилъ царь, что у него въ царствѣ есть знахарь, древній старичекъ, такой древній, что, бывало, еще дѣдушкѣ его ворожилъ. И снарядилъ царь къ тому знахарю пословъ съ наказомъ, спросить у него: живеть, моль, царь съ царицей десять лѣтъ, а все дѣтей у нихъ нѣтъ; такъ какъ тутъ быть? Доискалось посольство знахаря: жилъ знахарь въ дремучемъ лѣсу одинъ одинешенекъ. Передали послы царскій наказъ и ждутъ отвѣта. Знахарь подумалъ-подумалъ и говорить: «Пусть царь велитъ черезъ топи-трясины непроходимыя мосты построить съ бесѣдками. Какъ построить, пусть онъ самъ въ полночь подъ мостомъ сядетъ и людскихъ рѣчей послушаетъ: что люди скажутъ,—такъ и дѣлать нужно».

Были въ томъ царствѣ топи-трясины непроходимыя; кругомъ объѣзжать—три мѣсяца, а прямоѣзжей дорогой было бѣ ходу три дня, да только ни пройти ни проѣхать черезъ нихъ нельзя было. Выстроили черезъ тѣ болота мосты крѣпкіе съ бесѣдками. Сѣлъ царь подъ мостъ людскія рѣчи слушать. Въ самую полночь слышитъ: идутъ по мосту двое нищихъ. Одинъ говоритъ:

«Спасибо нашему царю, что мостъ построилъ и бесѣдки пона-дѣлалъ; теперь прохажему и отдохнуть есть гдѣ». А другой ему въ отвѣтъ: «Надо ему пожелать наслѣдника. Еслибъ онъ догадался, да велѣлъ за ночь, пока пѣтухи не запѣли, шелковый неводъ связать, да тѣмъ неводомъ рыбу-щуку златоперую въ озерѣ, что посреди этихъ болотъ, изловилъ, да царица той рыбы-щуки покушала — и сынъ бы у нихъ родился». Поговорили нищіе и пошли дальше.

Вернулся царь во дворецъ, а на другую ночь приказалъ до первыхъ пѣтуховъ шелковый неводъ связать и въ озеро закинуть. Разъ закинули—ничего не поймали, въ другой закинули — опять ничего, въ третій закинули — поймалась щука златоперая. Взяли щуку и отнесли къ царю, а царь приказалъ ее, изготавивши, царицѣ къ столу подать. Когда повара щуку зажарили, пришла судомойка, положила ее на блюдо и понесла къ царицѣ, да дорогой оторвала крылышко и попробовала. Приняла блюдо изъ рукъ судомойки боярыня, оторвала другое крылышко и тоже попробовала. А всю щуку царица скушала.

И родилось у всѣхъ трехъ—у судомойки, у боярыни и у царицы—въ одинъ день, да не въ одинъ часъ, по сыну-богатырю. Судомойкинъ сынъ на зарѣ родился—его Зорькой назвали, боярскій сынъ вечеромъ родился—его Вечоркой назвали, царскій сынъ въ полночь родился — его Полуночкой назвали. Хороши были боярскій сынъ да царевичъ, а Зорька еще лучше уродился: по колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ, до локтей руки въ красномъ золотѣ, на вискахъ звѣзды частыя, во лбу свѣтеть мѣсяцъ. Росли всѣ они трое вмѣстѣ товарищами, только повадки были у нихъ разныя: какъ воротятся съ гулянья, царскій сынъ сейчасъ одежу мѣняетъ, боярскій сынъ отдыхать ложится, а судомойкинъ сынъ за ѣду принимается.

Кто растетъ по годамъ, а наши богатыри по часамъ; кто въ годъ—они въ часъ таковы, кто въ три года — они въ три часа. Пришли въ возрастъ, слышали въ себѣ силу богатырскую, стали шутки шутить нехорошія: играючи на улицѣ со сверстниками, кого за руку ухватятъ—рука прочь, кого за голову—голова долой. Стали люди царю жаловаться: «Уйми ты ихъ, государь ба-

Передали послы царскій наказъ и ждутъ ответа.

тюшка! Изъ-за ихъ удали много ужъ молодыхъ ребятъ безвременной смертью побывшилось. Не вышелъ бы народъ изъ терпѣнья, да чтобы и молодцамъ твоимъ худа какого не приключилось.

Испугался царь, закручинился, сталъ думать крѣпкую думушку: какъ бѣды избыть,—ничего придумать не можетъ. Запереть молодцевъ въ тюрьму каменную, за запоры крѣпкіе—жалко, а такъ унять ихъ удалъ—не уймешь: кипить въ нихъ горячая кровь, сила богатырская играть.

Только вдругъ на ту пору изъ дальней стороны, отъ султана индѣйскаго, пришли послы къ царю; просятъ, ихъ милостиво выслушать. Допустилъ ихъ царь передъ свои свѣтлыя очи и стали послы рѣчь держать:

«У нашего султана было три дочери красоты неописанной; берегъ онъ ихъ пуще глаза своего въ высокомъ терему, чтобы ни буйные вѣтры на нихъ не повѣяли, ни красное солнышко не опалило. Разъ какъ-то вычитали царевны въ книгѣ, что есть кругомъ ихъ терема чудный бѣлый свѣтъ, и когда пришелъ султанъ навѣстить ихъ, онѣ стали его со слезами упрашивать: «Государь ты нашъ батюшка! Выпусти насъ на бѣлый свѣтъ посмотреть, въ зеленомъ саду погулять». И надо же такой бѣдѣ быть,—согласился султанъ на ихъ неотступную просьбу, отпустилъ ихъ на бѣлый свѣтъ поглядѣть, въ зеленомъ саду погулять.»

«Вышли дѣвицы съ мамками и няньками изъ терема въ садъ; бѣгаютъ, забавляются, каждой травкой любятъ. Вдругъ, откуда ни возмись, нашла на небо туча черная, встала гроза страшная, налетѣлъ буйный вихрь, всѣ деревья въ саду къ землѣ приклонились. Налетѣлъ чудо-юдо, двѣнадцатиголовый змѣй, унесъ трехъ прекрасныхъ дѣвицъ не знамо куда».

«Кликнулъ кличъ султанъ по селамъ, городамъ, не возьмется ли кто дочерей его розыскать. «Кто это дѣло сдѣлаетъ, любую дочь за того замужъ отдамъ, золотой казной награжу не считаячи». Только не нашлось въ нашемъ славномъ царствѣ индѣйскомъ такихъ богатырей. Видно перевелись они!»

«Тогда приказалъ султанъ по чужимъ землямъ кличъ кликать: изъ иноземныхъ богатырей не сыщется ли кто. Слышно, есть у

васъ три сильномогучихъ богатыря: не откликнутся ли они на кличъ султанскій!»

Обрадовался царь этому случаю. «Отпущу, — думаетъ, — моихъ молодцовъ по бѣлому свѣту погулять, людей посмотрѣть, себя показать. Съ змѣемъ имъ не встрѣтиться, — гдѣ его найдешь, — а удалъ у нихъ, можетъ, и поуймется.» Зоветъ Зорьку, Вечорку и Полуночку передъ свои ясныя очи и говоритъ имъ таково слово: «Дѣти мои милыя, соколы ясныя! Зоветъ васъ индѣйскій султанъ вызволять его дочерей отъ двѣнадцатиглаваго змѣя. Это дѣло — по васъ, будетъ вамъ потѣха богатырская, лучше, чѣмъ товарищамъ на улицѣ ноги да руки рвать.» А Зорька, Вечорка и Полуночка тому и рады, поклонились царю въ ноги, благодарятъ за милость его царскую, просятъ благословенія. Царь ихъ благословилъ, на дорогу казной наградилъ: Зорькѣ кошель, Вечоркѣ два, а Полуночкѣ далъ золотой казны не считаючи.

Пошли молодцы въ оружейныя палаты, выбирать себѣ по рукѣ оружіе — не нашли подходящаго: гнутся въ ихъ рукахъ сабли вострыя, ломаются мечи булатные. Пошли въ царскія конюшни коней выбирать — и того хуже: на котораго коня руку ни наложатъ, — садится конь окарачъ. Вернулись молодцы къ царю, о своей бѣдѣ докладываютъ, и говоритъ имъ царь: «Коли такъ, ступайте вы, дѣтки, къ старому знахарю, что живетъ въ дремучемъ лѣсу и еще дѣдушкѣ моему ворожилъ. Не поможетъ ли онъ вамъ въ вашей бѣдѣ».

Пошли Зорька, Вечорка и Полуночка по царскому приказу, да, по дорогѣ идучи, между собою размолвились. Стали спорить: кому въ походѣ старшимъ быть, кого другимъ слушаться. Спорили-спорили и порѣшили: кто всѣхъ сильнѣй, тому быть старшимъ, а остальнымъ двумъ старшого слушаться. Стали сперва изъ тугихъ луковъ стрѣлять. Полуночка выстрѣлилъ, потомъ Вечорка, потомъ Зорька. Ъдутъ; не близко, не далеко лежитъ полуночкина стрѣла; подальше упала вечоркина стрѣла — а зорькиной стрѣлы и сыскать не могли. Стали потомъ палицу желѣзную десятипудовую вверхъ бросать. Полуночка бросилъ — палица черезъ часъ назадъ упала; Вечорка бросилъ — черезъ три упала, а Зорька бросилъ — и совсѣмъ не вернулась, только ее и видѣли. Порѣшили въ третій разъ силу пробовать. Поста-

вилъ Полуночка рядомъ Зорьку съ Вечоркой, ударилъ ихъ по плечамъ—и вбилъ по колѣна въ землю; Вечорка ударилъ Зорьку съ Полуночкой—по грудь въ землю вбилъ; Зорька ударилъ Вечорку съ Полуночкой—по самую шею вбилъ. Говорятъ тогда ему братья: «Будь ты между нами старшой, чтобы намъ тебя во всемъ слушаться».

Долго ли, коротко-ли шли добрые молодцы и пришли наконецъ въ ту лѣсную трущобу, гдѣ старый знахарь жилъ. «Знаю, дѣтки, зачѣмъ ко мнѣ пожаловали,—говорить онъ имъ:—нѣтъ по васъ у царя ни коней, ни оружія. Такъ ступайте вы отсюда прямо на восходъ солнца; какъ выйдете изъ лѣса,—промежъ трехъ дорогъ, въ чистомъ полѣ подъ бѣлою березою отыщите вы плиту желѣзную. Въ полночь поднимите плиту,—подъ ней найдете вы себѣ и коней и оружіе богатырское.

Пошолъ Зорька съ товарищами доставать себѣ коней и оружіе. Нашли въ чистомъ полѣ плиту желѣзную, а лежитъ та плита промежъ трехъ дорогъ; дожидаются полночи, за кольцо берутся, плиту повертываютъ. Имъ конюшня открывается, въ той конюшнѣ три коня стоятъ, на желѣзныхъ цѣпяхъ къ столбу привязаны: одинъ конь—на трехъ цѣпяхъ, другой конь—на шести, третій конь—на двѣнадцати. Увидали кони богатырей: ржутъ—земля дрожитъ, изъ ушей, изъ ноздрей дымъ столбомъ валитъ, изо рта бьетъ пламень огненный.

На стѣнахъ висятъ доспѣхи богатырскіе: сѣдла черасскія, уздечки шемаханскія, стремена булатныя, копья долгомѣрныя, шиты, мечи-кладенцы, сабли вострыя—все оружіе богатырское.

Стали богатыри себѣ коней и оружіе выбирать. Зорька, старшій богатырь, подошелъ къ коню, что на двѣнадцати цѣпяхъ привязанъ былъ, наложилъ на него руку могучую, по гривѣ погладилъ—сталъ конь, какъ вкопанный. Оторвалъ Зорька всѣ двѣнадцать цѣпей, осѣдлалъ коня добраго, опоясался мечомъ-кладенцомъ, взялъ въ руки копье долголѣтнее, за спину шитъ червлennyй закинулъ. Вечорка осѣдлалъ коня съ шести цѣпей, Полуночка—съ трехъ цѣпей. Снарядились богатыри и въ путь дорогу поѣхали—черезъ горы высокія, поля широкія, рѣки глубокія, въ страны дальнія, невѣдомыя.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Бдутъ Зорька и Вечорка съ Полуночкой не день, не два; доѣхали до рѣки Смородины, до того-ли моста калиноваго. Заваленъ мостъ костями человѣчьими — пѣшему по поясъ; кругомъ по берегу лежатъ кости,—коню по колѣно навалено.

— Что за притча, братцы?—говоритъ Зорька товарищамъ.— Надо бы узнать, отчего здѣсь столько костей человѣчьихъ лежить. Давайте, побудемъ здѣсь, покараулимъ». Кинули жребій, кому первую ночь стеречь,—досталось Полуночкѣ.

Раскинули себѣ товарищи палатку, а Полуночка пошолъ къ мосту сторожить; только, какъ пришелъ — залѣзъ въ кусты и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Не понадѣялся на него Зорька: какъ подошло время къ полуночи, опоясался онъ мечомъ-кладенцомъ булатнымъ, вышелъ и сталъ на мосту. Вдругъ на рѣкѣ вода взволновалася, на дубахъ орлы раскричались — выѣзжаетъ съ того берега чудо-юдо змѣй трехголовый, и прямо на мостъ. Подъ змѣемъ конь спотыкается. «Что ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ, спотыкаешься? Или недруга слышалъ? Есть мнѣ противникъ—Зорька богатырь, да его костей и воронъ сюда не занашивалъ». А Зорька отзывается: «Ахъ ты чудо-юдо! Да я и самъ тутъ на лицо».—«А зачѣмъ пожаловалъ? Къ дочерямъ моимъ или къ сестрамъ свататься?»—«Нѣтъ, братъ: въ полѣ съѣзжаться—родней не считается; давай воевать». Взмахнулъ Зорька мечомъ-кладенцомъ—и снесъ змѣю сразу всѣ три головы. Туловище разрубилъ да въ рѣку бросилъ, головы подъ мостъ спряталъ.

Путру проснулся Полуночка. «Ну что, не видалъ ли чего?»—спрашиваютъ товарищи. «Нѣтъ, братцы, мимо меня и муха не пролетала».

На другую ночь пошелъ Вечорка на дозоръ; забрался въ кусты и заснулъ. Зорька на него не понадѣялся; какъ подошло время къ полуночи, снарядился, опоясался мечомъ-кладенцомъ булатнымъ и сталъ на мосту. Вдругъ на рѣкѣ вода взволновалася, на дубахъ орлы раскричались—выѣзжаетъ на мостъ чудо-юдо змѣй шестигловый. Подъ змѣемъ конь спотыкается. «Что ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ, спотыкаешься? Или Зорьку богатыря слышалъ? Да я его на одну ладонь посажу, другой при-

хлопну—только мокренько будетъ». А Зорька отзывается: «Ахъ ты, чудо-юдо! Не поймавъ ясна сокола, рано перья шипать. Давай лучше силу пробовать: кто одолѣетъ, тотъ и похвалится». Сошлись, ударились,—задрожалъ мостъ калиновый. Чуду-юду не посчастливилось: съ одного размаху сшибъ ему Зорька три головы. «Стой, Зорька! Дай мнѣ роздыху».—«Что за роздыхъ. У тебя, чудо-юдо, три головы, у меня всего одна; вотъ, какъ будетъ у тебя одна голова, тогда и отдыхать станемъ». Опять сошлись, ударились. Отрубилъ Зорька змѣю послѣднія головы. Туловище изрубилъ да въ рѣку бросилъ, головы подъ мостъ спряталъ.

Путру пришелъ Вечорка въ палатку съ очереди. «Ну что, не видалъ ли чего?»—спрашиваютъ товарищи. «Нѣтъ, братцы, мимо меня муха не пролетывала, комаръ не пропискивалъ».

На третью ночь собрался Зорька на дозоръ идти. Повѣсилъ онъ бѣлое полотенце на стѣнку, а подъ нимъ на полу миску поставилъ. «Братцы!—говорить.—Я на страшный бой иду, а вы хоть эту-то ночь не поспите—присматривайтесь, какъ будетъ съ полотенца кровь течь: если половина миски набѣжитъ—ничего, если полна миска набѣжитъ—все ничего, а если черезъ край польетъ—спускайте съ цѣпей моего коня богатырского и сами спѣшите на помощь мнѣ». Пообщали Вечорка съ Полуночкой все такъ сдѣлать, какъ Зорька наказывалъ.

Стоитъ Зорька на калиновомъ мосту, своей судьбы дожидается. Подошло время къ полуночи. Вдругъ на рѣкѣ вода взволновалася, на дубахъ орлы раскричались, утка крикнула, берега звянули—въѣзжаетъ на мостъ чудо-юдо, змѣй девятиголовый. Подъ змѣемъ конь спотыкается. «Что ты, волчья сыть, травяной мѣшокъ, спотыкаешься? Или Зорьки богатыря боишься? Да мнѣ только дунуть,—его и праху не останется». А Зорька отзывается: «Ахъ ты, чудо-юдо! Чего расхвастался на рать идучи?».—«Такъ ты ужъ здѣсь! Зачѣмъ пожаловалъ?»—«На тебя посмотрѣть, твоей крѣпости попробовать». Засмѣялся змѣй: «Куда тебѣ мою крѣпость пробовать? Ты муха предо мной!» Отвѣчаетъ Зорька богатырь: «Я пришелъ не сказки сказывать, а на смерть воевать». Размахнулся своимъ мечомъ-кладенцомъ и срубилъ чуду-юду три головы.

*Стоит Зорька на мосту, своей судьбы
дожидается.*

Чудо-юдо подхватил
эти головы, на мѣста поса-
дил—приросли онѣ, будто
и съ плечъ не падали.

Плохо пришлось Зорькѣ:
сталъ змѣй одолѣвать его,
по колѣна вогналъ въ сырую
землю. «Стой, чудо-юдо!—
говорить Зорька. — Цари-
короли сражаются, и тѣ за-
миреніе дѣлаютъ, а мы съ
тобой неужто будемъ вое-
вать безъ роздыху? Дай мнѣ
роздыху хоть до трехъ разъ».
Змѣй согласился. Снялъ
Зорька съ руки правую ру-
кавицу и кинулъ въ палатку.
Затряслась палатка, а Ве-
чорка съ Полночкой спятъ,
ничего не слышать.

Размахнулся Зорька ме-
чомъ сильнѣй прежняго,

срубилъ чуду-юду сразу шесть головъ. А чудо-юдо обмакнулъ палецъ въ кровь, подхватилъ эти головы, на мѣста насадилъ—приросли онѣ, будто и съ плечъ не падали. Ударилъ змѣй Зорьку и забилъ его въ сырую землю по поясъ. Опять запросилъ Зорька роздыху, снялъ сапогъ съ правой ноги и кинулъ его въ палатку. Ударился сапогъ, опрокинулась палатка, а Вечорка съ Полуночкой все спятъ, ничего не слышатъ.

Размахнулся Зорька мечомъ, чтохватило силъ, и срубилъ змѣю восемь головъ. Чудо юдо обмакнулъ свой палецъ въ кровь, подхватилъ головы, на мѣста посадилъ—приросли онѣ, будто и съ плечъ не падали, а Зорьку вогналъ въ сыру землю по самыя плечи. Запросилъ Зорька въ третій разъ роздыху, снялъ съ головы шлемъ богатырскій и кинулъ въ палатку: дрогнула сыра-земля, сорвался съ цѣпи конь богатырскій, Вечорка съ Полуночкой проснулись. Глянули—кровь изъ миски черезъ край ручьемъ бѣжитъ. Бросились они коней сѣдлатъ, спѣшатъ на выручку.

Прибѣжалъ богатырскій конь и молвить Зорькѣ человѣчьимъ голосомъ: «Не одолѣть тебѣ змѣя, пока у него мертвый палецъ есть: этимъ пальцемъ онъ себѣ головы приставляетъ». Сѣлъ Зорька на своего коня, налетѣлъ на змѣя яснымъ соколомъ; не столько мечемъ бьетъ, сколько конемъ топчетъ. Въ томъ бою змѣю не посчастливилось: отрубилъ ему Зорька руку правую съ мертвымъ пальцемъ, отрубилъ ему всѣ девять головъ, туловище на мелкія части разсѣкъ и въ рѣку побросалъ.

Тутъ и Вечорка съ Полуночкой подоспѣли. «Эхъ вы, сони!—говоритъ Зорька товарищамъ.—Гдѣ вамъ воевать: вы и стеречь то путемъ не умѣете. Изъ за вашего сна я чуть лютой смертью не пропалъ.» Вынулъ онъ тутъ изъ подъ моста всѣ головы змѣинныя, показалъ товарищамъ и пуще стыдить ихъ сталъ. Вечоркѣ съ Полуночкой тѣ рѣчи не по сердцу пришлись: молчатъ, насупились.

— Чтожь, братцы, — молвить Зорька, — намъ здѣсь не вѣкъ вѣковать: ѣдемъ дальше. Осѣдлали коней и поѣхали. Говоритъ Зорька товарищамъ: «Братцы, забылъ я въ палаткѣ плеточку; поѣзжайте шажкомъ, я живо васъ догоню». Повернулъ назадъ къ рѣкѣ Смородинѣ, слѣзъ съ коня, коня въ заповѣдныя луга пустилъ, самъ сѣлъ подъ калиновымъ мостомъ и слушаетъ.

Немного погодя, вышли изъ воды три змѣихи и стали совѣтъ держать, какъ имъ богатырей извести, за смерть мужей отплатить. Одна говоритъ: «Я забѣгу впередъ и пушу имъ день жаркій, а сама обернусь колодцемъ; въ томъ колодцѣ будетъ плавать серебряный ковшъ. Захотятъ богатыри сами напиться и коней напоить—тутъ-то и разорветъ ихъ на маковыя зернышки». Другая говоритъ: «Коли это не поможетъ, я обернусь яблоней; на той яблонѣ будутъ висѣть яблоки спѣлыя, сочныя. Захотятъ богатыри сорвать яблочко—разорветъ ихъ на маковыя зернышки». Третья говоритъ: «Коли и это не поможетъ, я обернусь избушкою; захотятъ богатыри заночевать, войдутъ въ избушку—разорветъ ихъ на маковыя зернышки.

Перетолковали змѣихи, ушли въ рѣку Смородину. А Зорька кликнулъ изъ заповѣдныхъ луговъ своего коня и поѣхалъ нагонять товарищей.

Тѣмъ временемъ Вечорка съ Полуночкой ѣдутъ да ѣдутъ дорогой прямоѣзжею; видятъ въ полѣ палатка раскинута, а у палатки конь привязанъ. Подѣхалъ Полуночка, слѣзъ съ коня, заглянулъ въ палатку—тамъ на кровати Бѣлый Полянинъ лежитъ. Какъ увидаль онъ Полуночку—не говоря худого слова, хлопъ его мизинцемъ по лбу,—да подъ кровать и бросилъ. Вечорка ждалъ-ждалъ товарища, не дождался и самъ въ палатку вошелъ. Разъ его хлопнулъ Бѣлый Полянинъ мизинцемъ по лбу—зашатался богатырь, въ другой хлопнулъ—и совсѣмъ свалился. И его Бѣлый Полянинъ подъ кровать бросилъ.

Наѣзжаетъ Зорька богатырь. Пологъ распахнулъ: «Богъ на помощь, богатырь! — говоритъ.—Какъ тебя по имени звать, по отчеству величать?» А у Бѣлаго Полянина одинъ отвѣтъ: изловчился онъ, да Зорьку мизинцемъ по лбу хлопъ! Заговорило ретивое у Зорьки богатыря: ухватилъ онъ Бѣлаго Полянина за длинную бороду и ну таскать во всѣ стороны, самъ таскаетъ да приговариваетъ: «Не узнавъ броду, не суйся въ воду! Не узнавъ богатыря, не охальничай!» Взмолился Бѣлый Полянинъ: «Смилуйся, сильномогучій богатырь! Не предавай меня злой смерти! Буду я тебѣ слугой вѣрнымъ.» Зорька тому не вѣруетъ: вытащилъ изъ палатки Полянина, подвелъ къ столбу дубовому,

раскололъ тотъ столбъ надвое, забилъ туда его длинную бороду и хочетъ Полянина злой смерти предать. Гладь,—изъ палатки Вечорка съ Полуночкой выходятъ. А Бѣлый Полянинъ пуше просить: «Смилуйтесь, богатыри! Знаю я, куда вы ѣдете: индѣйскихъ царевенъ добывать. Въ этомъ дѣлѣ и я вамъ пригожусь.» Подумали подумали богатыри и порѣшили простить Бѣлаго Полянина. Только отрубилъ ему Зорька его длинную бороду, вытащилъ ее изъ столба и про всякій случай въ карманъ спряталъ. «Сказывай,—говоритъ Полянину,—что тебѣ про царевенъ вѣдомо». — «Вѣдомо мнѣ, что унесъ ихъ двѣнадцатиглавый змѣй въ подземное царство, а ходъ туда знаетъ Баба-Яга. Лишь бы вамъ до нея добраться, она вамъ всю дорогу расскажетъ, какъ по писаному». И напросился Бѣлый Полянинъ богатырямъ въ попутчики.

Ѣдутъ богатыри голой степью, день жаркій, жажда измучила. Наѣхали на зеленый лугъ, на лугу трава-мурава, тутъ же и колодець стоитъ, въ немъ плаваетъ ковшикъ серебряный. Вечорка съ Полуночкой съ коней слѣзли, пить собираются. «Стойте, братцы! — говоритъ Зорька. — Колодець стоитъ въ степяхъ, въ даяхъ, никто изъ него воды не беретъ, не пьетъ». Соскочилъ онъ съ своего коня и давай тотъ колодець рубить — только кровь брызжетъ. Вдругъ сдѣлался день туманный, жара спала и пить не хочется. «Вотъ видите, братцы, какая вода настойчивая,—словно кровь».

Поѣхали дальше. Голодъ богатырей мучить, а ѣсть нечего. Долго ли, коротко ли—увидали они у дороги яблоню съ яблоками спѣлыми, сочными. Говоритъ Полуночка товарищамъ: «Хоть по яблоку съѣдимъ—все легче будетъ». — «Нѣтъ, братцы,—говоритъ Зорька, — стоитъ яблоня въ степяхъ, въ даяхъ, одна въ чистомъ полѣ; можетъ статься, яблоки-то на ней червивыя, съѣшь—еще хворь нападетъ». Соскочилъ Зорька съ коня и давай яблоню сѣчь-рубить — только кровь брызжетъ. А у товарищей и голодъ пропалъ.

Ѣдутъ дальше. Дѣло ужъ къ вечеру подходитъ. Видятъ богатыри — избушка въ полѣ стоитъ. «Скоро смеркнется, давайте переночуемъ въ этой избушкѣ». — «Нѣтъ,—говоритъ Зорька, —

лучше раскинемъ палатку и въ чистомъ полѣ переночуемъ: эта избушка старая, того и гляди упадетъ да насъ задавитъ». Со-скочилъ съ своего коня, подошелъ къ избушкѣ, давай ее сѣчь и рубить—только кровь брызжетъ. «Сами видите,— говоритъ,— какая это избушка: вся гнилая».

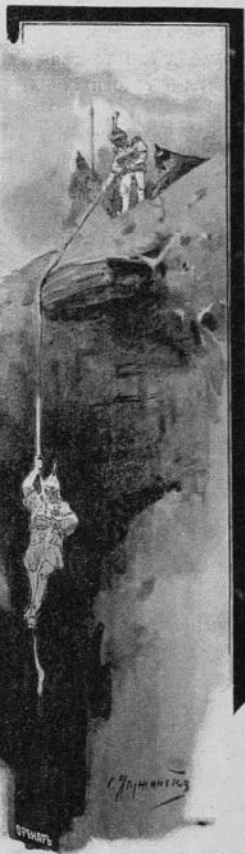
Бдутъ богатыри черезъ горы высокія, черезъ поля широкія, черезъ рѣки глубокія. Заѣхали въ лѣсъ дремучій—свѣта Божьяго не видать. Въ томъ лѣсу избушка стоитъ, на курьихъ ножкахъ, на бараньихъ рожкахъ, кругомъ поворачивается. Говоритъ Бѣлый Полянинъ: «Избушка, избушка, стань къ лѣсу задомъ, къ намъ передомъ». Вошли въ нее богатыри, на лавку сѣли.

Вдругъ застучало, загремѣло; откуда ни возмись, Баба-Яга костяная нога въ желѣзной ступѣ ѣдетъ, пестомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ, сзади собачка побрехиваетъ. Въѣхала въ избушку: «Что за гости незваные?»—«Или не узнала меня, бабушка?»—спрашиваетъ Бѣлый Полянинъ.—А помнишь, какъ мы съ тобой воевали тридцать лѣтъ безъ роздыху, какъ одолѣлъ я тебя, Ягу? Лютой смерти предать тебя нужно было, а я въ ту пору тебя помиловалъ». — «Батюшка, Бѣлый Полянинъ! Прости меня, старуху, что не сразу тебя признала». — «Слушай, бабушка! Ыдемъ мы въ подземное царство, гдѣ живетъ двѣнадцатиглавый змѣй, что у индѣйскаго султана дочерей унесъ; укажи намъ дорогу, какъ поближе проѣхать». Баба-Яга рассказала имъ всю дорогу, какъ по писаному.

Держать путь богатыри все по лѣсу дремучему. Ыхали, ѣхали и увидали пропасть темную, бездонную—заглянуть страшно. Тутъ и былъ ходъ въ подземное царство.

Ходъ нашли, а какъ спускаться?—Говоритъ Зорька товаришамъ: «Давайте, братцы, звѣрей ловить, изъ звѣриныхъ шкуръ ремни дѣлать—на тѣхъ ремняхъ и спустимся». Сказано—сдѣлано. Кинули жеребій, кому оставаться богатырскихъ коней стережъ—вышло Бѣлому Полянину. Бросили въ пропасть ременный канатъ, стали спускаться поодионокѣ, Зорька первымъ, потомъ Вечорка, потомъ Полуночка. А Бѣлому Полянину наказъ дали—ихъ около пропасти дожидаться.

Спустились богатыри въ подземное царство; видать—дворецъ

Бросили въ пропасть ременный канатъ и стали спускаться поодиначкѣ.

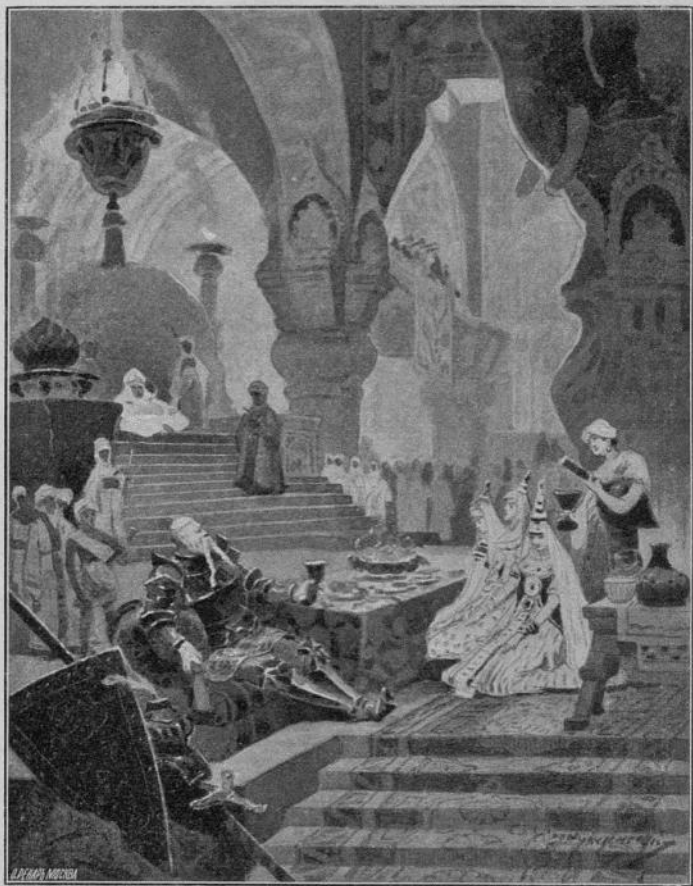
стоитъ, изъ чистаго серебра, крыша золотая, въ окнахъ не стекла, а камни самоцвѣтные. Вдругъ земля дрогнула, словно буйный вихрь налетѣлъ чудо-юдо змѣй двѣнадцатиголовый; пасти разинулъ, обдалъ богатырей дыханьемъ огненнымъ. И началось тутъ побоище великое. Три дня, три ночи бились богатыри съ змѣемъ безъ раздыха,—по колѣна въ крови змѣиной стоятъ.—Наконецъ одолѣли змѣя.

Вошелъ Зорька съ товарищами во дворецъ, — а тамъ три царевны индѣйскія сидятъ золотыми цѣпями къ стѣнѣ прикованы. Освободили ихъ богатыри. Крѣпко полюбились имъ прекрасныя царевны, тутъ и кольцами богатыри съ ними обмѣнялись.

Дѣло сдѣлано, пора и назадъ воротаться. Пошли къ тому мѣсту, гдѣ спустились. «Вытаскивай!»—кричитъ Зорька Бѣлому Полянину. Привязали старшую царевну къ ременному канату — вытащилъ ее Бѣлый Полянинъ на вольный свѣтъ, привязали среднюю — тоже вытащилъ, привязали младшую — и ее вытащилъ. Привязали Зорьку товарищи, сталъ Зорька подниматься—и упалъ. Обрѣзалъ Бѣлый Полянинъ ременный канатъ, чтобы богатыри свѣту бѣлаго больше не видѣли!

Пропадать богатырямъ ни за грошъ, ни за денежку; не одолѣлъ ихъ чудо-юдо двѣнадцатиголовый змѣй, одолѣла хитрость злая.

Садится Бѣлый Полянинъ на своего добраго коня, трехъ царевенъ впередъ себя сажаетъ, смертью грозить, если кому

А у султана индйского идетъ пиръ на весь міръ.

правду скажутъ. Захотѣлъ-было онъ и богатырскихъ коней за собой вести, да кони изъ его рукъ вырвались, зова не послушались. Такъ и оставилъ ихъ въ лѣсу Бѣлый Полянинъ, а самъ поѣхалъ съ царевнами въ царство индѣйское.

Время идетъ да идетъ — ни слуху, ни духу объ Зорькѣ съ товарищами.

Спрашиваетъ въ своемъ темномъ лѣсу знахарь солнце красное: «Не видало ль ты трехъ сильногоучихъ богатырей, Зорьку, Вечерку съ Полуночкою?» — «Нѣтъ, не видало». — «Не видалъ ли ты, мѣсяцъ ясный?» — «Нѣтъ, не видалъ». — «Не видалъ ли ты, вѣтеръ буйный?» — «Нѣтъ, не видалъ». — Вышелъ знахарь въ поле чистое, свиснулъ громкимъ посвистомъ, не откликнутся ли кони богатырскіе. Глядь — Зорькинъ конь бѣжитъ. «Гдѣ-жь хозяинъ твой?» — «Мой хозяинъ съ товарищами въ подземномъ царствѣ сидитъ и погибать имъ тамъ, коли ты ихъ не выручишь.»

Кликнулъ тогда знахарь Ворона Вороновича, и приказалъ ему вынести богатырей на своихъ крылахъ изъ подземнаго царства на вольный свѣтъ. Выбрались богатыри, на коней своихъ сѣли, и поѣхали въ царство индѣйское во всю конскую прыть.

А у султана индѣйскаго идетъ пиръ на весь міръ, на радостяхъ, что царевны сыскались.

Сняли съ себя Зорька, Вечерка и Полуночка доспѣхи богатырскіе, забрались въ султанскія палаты и стали служить у стола простыми слугами.

Смотрятъ: сидитъ Бѣлый Полянинъ на первомъ мѣстѣ, величается, а противъ него за столомъ — индѣйскія царевны сидятъ не веселы, пригорюнились. Величается Бѣлый Полянинъ, индѣйскому султану рассказываетъ, какъ онъ его дочерей отъ лютаго змѣя выручилъ, какъ онъ за нихъ свою кровь проливалъ, бился со змѣею три дня, три ночи безъ отдыха.

Потихоньку зашли Зорька, Вечорка и Полуночка сзади индѣйскихъ царевенъ и положили имъ на блюдо по золотому колечку, что царевны имъ въ подземномъ царствѣ дали.

А Бѣлый Полянинъ сидитъ, еще пуще похваляется, рассказываетъ, какъ онъ трехъ сильногоучихъ богатырей, Зорьку, Вечорку и Полуночку одинъ побѣдилъ и смерти предаль за то,

что они у него на пути индѣйскихъ царевенъ отнять хотѣли.

Вышелъ тутъ впередъ Зорька и говоритъ: «А не въ томъ-ли бою, храбрый витязь, ты свою бороду потерялъ—вотъ тебѣ она!» Кинулъ Полянину въ глаза его бороду и рассказалъ, какъ они его помиловали, смерти не предали, а онъ—ихъ въ подземномъ царствѣ покинулъ и царевенъ увезъ.

И царевны ту зорькину рѣчь утвердили, богатырей своими избавителями назвали.

Приказалъ султанъ не медля Бѣлаго Полянина казнить смертию, а за Зорьку, Вечерку и Полуночку своихъ дочерей замужъ выдалъ. Хотѣлъ было дать за дочерями въ приданое по полуцарству, да одному жениху полуцарства не хватило. Такъ Полуночка, царскій сынъ, взялъ себѣ жену безъ приданого.

